

БОРИС КУРКИН

ОПЕРАТИВНОЕ ДЕЛО “РЕВИЗОРЪ”

Предуведомление

Споры о “Ревизоре” вечны: на то она и классика, чтобы давать изображать или воображать действительность во всем ее объеме и, риску добавив от себя, непостижимости. И по сию пору не утихают дискуссии по поводу того, откуда взял Гоголь сюжет для “Ревизора”. Одни говорят, что Гоголю подарил сей сюжет Пушкин, другие возражают, что сюжет во времена Гоголя был уже известен и ссылаются при этом на повесть А. Вельтмана “Провинциальные актеры” и комедию Г. Квитки “Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе”. Другие напоминают, что и сам Гоголь использовал “ревизорский прием” с целью получения лошадей вне очереди: выпускал вперед своих друзей, распускающих слух о чиновнике инкогнито из Петербурга, а потом являлся уж и сам.

Спорят и о том, кто был прообразом Хлестакова: то ли П. Свинын, то ли сам... Пушкин? И как тут выяснишь, кто прав, если современники П. П. Свинына слышали от него вот такое: “Вот как-то случилось мне беседовать с Государем... Был я в морском сражении... Иду я по улице с американским президентом... И кстати! Полистайте последний номер “Отечественных записок”. Там напечатана повесть. Она тоже моя...”

Узнаете? Только с одной лишь разницей: П. П. Свинын говорил чистой правду! И выполнял он в Америке самые деликатные дипломатические поручения.

Кстати, за ревизора Павла Петровича тоже принимали, о чем он и поведал по случаю Пушкину; приняли как-то раз за ревизора и Пушкина, о чем тот рассказал в свою очередь Гоголю.

Весьма разнятся по смыслу и содержанию и трактовки “Ревизора”: от бытовой комедии нравов через социальную сатиру до мистического триллера. Известна и характеристика, данная Гоголю другим классиком – В. Набоковым, – “сновиденческий писатель”.

Что же касается нас, грешных, то, абстрагируясь от всех прочих интерпретаций великой комедии, дерзнем рассмотреть ее в качестве **детектива**.

На первый взгляд, детектива здесь никакого нет: все жулье и ворье рассказывает о себе само, и оснований для возбуждения серии уголовных дел более чем достаточно. Банальны и описанные Гоголем коррупционные схемы, и по сей день живущие и здравствующие на политико-административных просторах России.

Однако если присмотреться повнимательнее, то могут возникнуть некие новые основания для возбуждения дел, если и не уголовных, то, по крайней мере, **оперативно-розыскных**, придающих возбуждаемым делам **политическую** окраску и грозящим перекалфикацией их **в государственные преступления**. И еще: социально-политический, идеологический и культурный контекст, в котором разыгрывалось детище Гоголя, был совершенно очевиден для зрителей, пришедших в театр на “Ревизора”, но с течением лет оказывается затемненным и приглушенным для нас.

В качестве затравки можно предложить три вопроса:

1. Откуда узнает о грядущей ревизии П. И. Бобчинский, не присутствовавший на экстренном совещании у Городничего? А ведь именно от него, по словам любознательного почтмейстера – любителя изящной словесности – он и узнает о прибытии инкогнито из Петербурга?

2. Что делает на заседании “кризисного штаба” не говорящий ни слова по-русски Х. И. Гибнер, более нигде по ходу действия не появляющийся?

3. С какой целью Государь Николай Павлович ТРИЖДЫ “ходил” на “Ревизора”? Только ли ради своего августейшего удовольствия?

Известно, что Николай Павлович на премьере хохотал. (Герцена сие обстоятельство приводило в оторопь. Не от великого ума, доложу я вам.) Известна так же и заключительная фраза Государя: “Тут всем досталось, а больше всего мне”.

И. Золотусский, равно как и Герцен, не льстит Царю и добавляет: “Эта реплика говорит об его умении держаться в невыгодных для себя обстоятельствах. Николай, впрочем, был не так умен, чтоб понять, что вмешательство жандарма в события и прибывшая свыше власть (то есть посланная им, царем) есть чистый призрак в пьесе, да к тому же страшный призрак, ибо все мертвеют при его явлении”.

Что ж, явная нелюбовь к тому или иному историческому персонажу не позволила ни Герцену, ни Золотусскому сделать объективные и более глубокие выводы. Иначе чем они могли бы объяснить тот факт, что Царь как минимум ТРИЖДЫ смотрел “Ревизора”, а дважды вместе со своей семьей?

И еще один – уже менее известный – анекдот: после спектакля Николай прошел за кулисы и, увидев актера, игравшего Бобчинского, потрепал его по плечу и сказал снисходительно: “Вы хотели, чтоб Государь узнал, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский? Так вот теперь я знаю об этом”. Царь улыбнулся, актер чуть не упал в обморок. “Все отличившиеся, – пишет о первом представлении “Ревизора” Шенрок, – получили от дворца подарки, иные от дирекции прибавку к жалованию”. Итак, царь был доволен” (Золотусский И. Гоголь. ЖЗЛ. М., 2009).

Разумеется, в поведении Царя можно и должно усмотреть некую моральную пропедевтику, традиции которой заложила его августейшая бабка Екатерина Великая. Именно она, как известно из “Дневников” А. В. Храповицкого, написала комедию “За мухой с обухом”, сюжетом для которой послужил скандал, возникший между президентом двух академий Е. Р. Дашковой и обершталмейстером Л. А. Нарышкиным.

Как известно, нарышкинская свинья забрела в дашковский огород и марадерствовала там, покуда ее не зарубили топором. Раздосадованный Нарышкин не придумал ничего остроумнее, как подать жалобу на имя Государыни Императрицы. В общем, то была комедия о том, “как поссорились Екатерина Романовна со Львом Александровичем”.

Пьеса сия шла с успехом в Эрмитаже, а в г-же Постреловой публика без труда узнавала княгиню Дашкову. Узнавала, впрочем, не только ее, но и себя самой. Еще одним проявлением такого “литературного давления на нравы” стала борьба Екатерины с модным поветрием игры в бильбоке. Чтобы пристыдить молодежь, игравшую в эту дурацкую игру сутками напролет во всех доступных местах, Императрица повелела, чтобы легендарный Митрофанушка – герой фонвизинского “Недоросля” – выходил на сцену с этим самым бильбоке.

И мода враз “самопресеклась”.

Смею полагать, что посещения Николаем Павловичем “Ревизора” были продиктованы ПОЛИТИЧЕСКИМИ соображениями. Не только ими, разумеется, однако главным образом, ими.

“А, вы здесь, голубчики!”

Кто из живущих на этой грешной земле не любит детективы?

И кто из любителей детективов не пытался закуривать трубку Шерлока Холмса, облачаться в китель майора Пронина, примерять шляпку миссис Марпл?

Вот и я предлагаю вам, дорогие друзья, рассмотреть поближе Дело “Ревизор”.

Оговоримся сразу: для возбуждения уголовного дела мы не имеем полномочий, ими мог располагать в эпоху незабвенного Государя Николая Павловича, в частности, настоящий Ревизор, прибывший в уездный город “по именному повелению”.

Однако согласитесь, основания для пристального интереса и оперативного дела по факту, скажем помягче, “коррупции” у нас имеются.

На основании чего? Что имеем в наличии?

А имеем мы вот что.

1. Надежного (?) информатора в лице Николая Васильевича Гоголя (дадим ему в целях конспирации оперативный псевдоним “Нос”).

2. Аудиозапись бесед чиновников (текст информатора).

3. Характеристики, данные агентом на действующих лиц этого скандального казуса со лже-ревизором И. А. Хлестаковым. Ими часто пренебрегают при чтении его донесения. А зря!

4. Фотографию участников (См.: “Немая сцена” в финале).

Теперь нам надо определиться со временем и местом действия.

Итак, где происходит событие, имеющее, по нашему мнению, все признаки состава **ПРЕСТУПЛЕНИЯ?**

Из Пензы в Саратов

Можно ли назвать по имени тот уездный город, в котором произошли эти драматические и не побоюсь этого слова, очистительно-трагические события? Полагаю, можно!

Первое, что приходит в голову, это знаменитая реплика Городничего: “Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь”. Ее предваряет замечание, что город это НЕ ПОГРАНИЧНЫЙ.

Первая мысль: “СИБИРЬ!”

Ан нет!

Где обчистил Хлестакова в штос неизвестный пехотный капитан?

В ПЕНЗЕ.

Куда едет Хлестаков и в какой город справлена его подорожная?

В САРАТОВ.

Значит, он на момент нежданного визита к нему Городничего должен находиться в уездном городке на трассе Пенза–Саратов. Заезжать в другие, делая крюки (по обыкновению Хлестакова, о чем говорит его слуга Осип), Ивану Александровичу уже не с руки – денег нет. Значит, перед ним ПРЯМАЯ дорога на Саратов, в деревню Подкатиловку, к строгому папаше – “старому хрену”, “глупому как бревно” (что не факт!).

Саратовская губерния часто упоминается и в разговорах героев и в письмах, которые перлюстрирует почтмейстер – надворный советник И. К. Шпекин. Взглянем на карту: прямо по трассе Пенза–Саратов расположен город Петровск – старинный купеческий город, основанный по именному указу Петра Первого в 1698 году для охраны края от набегов крымских татар. В 1780 году Петровск становится уездным городом, находившимся в составе Саратовской губернии, которую и должен был инспектировать Великий и Ужасный РЕВИЗОР.

Иные уездные города, например, Актарск или Вольск, лежат в стороне от тракта Пенза–Саратов.

В общем, современным петровчанам можно вполне открывать в своем городе “Музей “Ревизора”.

Итак, действие происходит в уездном городе Петровске. Теперь нам как ведущим расследование предстоит выяснить время, в которое совершилось деяние, обладающее признаками состава преступления.

“Призрак оперы”

Что касается времени, то, как известно, существует две редакции Донесения агента (пьесы “Ревизор”) – 1836 и 1840 гг.

Государь Николай Павлович присутствовал на премьере, следовательно, наблюдал действие в варианте 1836 г., мы же читаем Донесение образца 1840 г.

Итак, как определить время, в которое произошло данное событие? Наш информатор дает несколько подсказок. И главные из них растворены в Донесении.

1. Репарка: “насвистывает (Хлестаков) из “Роберта”.

Что такое сей “Роберт”? Слушаем аудиозапись Донесения:

“Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: “Женильба Фигаро”, “Роберт-Дьявол”, “Норма”.

Итак, Опера “Роберт-Дьявол” Д. Мейербера под титулом “Роберт” (какое упоминание “дьявола” могло быть в Православной Империи?!). Первая постановка в Петербурге – 1834 год. Есть ли что-нибудь более позднее? Есть!

2. Это опера Д. Беллини “Норма”. Первая постановка в Петербурге – 15.10.1837 (вряд ли Хлестаков мог позволить себе съездить послушать ее в Италию!). Первое же исполнение “Нормы” состоялось в Милане, в театре “Ла Скала”, 26 декабря 1831 года.

Прочие литературные “упражнения Хлестакова” – “Фрегат “Надежда” Марлинского – первая публикация 1833 год; “Московский телеграф”: 1825–1834, закрыт в марте 1834-го; псевдоним Сеньковского “Барон Брамбеус” появился в 1833 году; “Юрий Милославский” – 1829 год.

Таким образом, известное событие случилось в пределах от 1837-го по 1840 г.

Итак, место действия – уездный город Петровск Саратовской губернии, время действия – 1837–1840 гг.

Ну-с, приступим, перекрестившись, к главному.

“А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!”

Как явствует из Донесения, в г. Петровск Саратовской губернии должен прибыть инкогнито из Петербурга некий Ревизор. С секретным предписанием.

Городничий по сему поводу созывает “кризисный штаб”.

Где собирается на заседание “штаб”?

В комнате в доме городничего.

А почему не в рабочем кабинете? Скорее всего, Городничий опасается “прослушки”, точнее, “подслушки”.

Резонно. И любопытно.

Кто присутствует на заседании?

1. **Городничий – Антон Антонович Сквозник-Дмухановский,**

2. **попечитель богоугодных заведений – Артемий Филиппович Земляника,**

3. **смотритель училищ – Лука Лукич Хлопов,**

4. **судья – Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин,**

5. **частный пристав – Степан Ильич Уховертов,**

6. **лекарь – Христиан Иванович Гибнер,**

два квартальных.

Итого 8 человек.

Чуть позже к ним присоединится почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин.

Сразу же возникает один недоуменный вопрос: “А что делает на заседании “кризисного штаба” тишайший Христиан Иванович Гибнер, который “по-русски ни слова не знает”?

Что он может сообщить руководителю штаба и как может он отчитаться о проделанной работе и выдать свои рекомендации?

Какие выводы сделать для себя?

Он ведь в дальнейшем по ходу Действия более **НИГДЕ** не появляется и **НИКАК** не проявляется (не “светится”)!

За него говорит и выслушивает директивы начштаба попечитель богоугодных заведений А. Ф. Земляника.

Зададимся еще одним вопросом: “А что было бы, если бы Гоголь ПРОСТО УПОМЯНУЛ о существовании бессловесного лекаря-немца (?), не выводя его на сцену?”

Значит, нужен был для чего-то этот тихий и безмолвный немчура, периодически издающий “звук, отчасти похожий на букву “и” и несколько на “е”!

Ставим против его имени красным карандашиком знак вопроса.

Теперь о самом заседании Штаба.

Первым делом встает вопрос о **причинах** грядущей ревизии.

Городничий в этом связи выглядит фаталистом: “Судьба!” Затем следует предположение о **ДОНОСЕ**.

Свою версию выдвигает судья Ляпкин-Тяпкин.

Заглянем теперь в его досье, составленное нашим информатором:

“Коллежский асессор (VIII класс) – чин штаб-офицерского ранга (старший офицерский состав) Аммос (Аммос – древнеевр. “тяжелый”) Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Агент сообщает: “Человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом – как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют”.

И. Хлестаков добавляет: “в сильнейшей степени моветон...”

Последнее малоинформативно.

Итак, судья рассудителен и слова его всегда продуманны: “Я думаю, Антон Антонович, что здесь **тонкая и больше политическая причина**. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где **измены**.”

“Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет **тонкие виды**: даром что далеко, а оно себе мотает на ус”.

Таким образом, первопричина ревизии, по Ляпкину-Тяпкину, грядущая война, в которую должна вскоре вступить Россия, сопряженная с опасностью иметь в тылу **“пятую колонну”**.

Других мнений по поводу ревизии не высказывает – вплоть до появления почтмейстера Шпекина – никто.

Читаем досье на Шпекина:

“Надворный советник (VII класс) – чин штаб-офицерского ранга (старший офицерский состав) Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер, простодушный до наивности человек”.

И. Хлестаков добавляет: “...должно быть, также, подлец, пьет горькую”.

Слушаем внимательно:

“Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками”.

Легкость, с которой Шпекин меняет свое мнение на противоположное, вполне объяснима и никоим образом не говорит о его легкомыслии. Почтмейстер просто уверен, что у Городничего на руках СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ. Кстати, попробуйте произнести слова с понижающейся интонацией и придать ей вот такой смысл: “Значит, НЕ БУДЕТ ВОЙНЫ (с турками)”. При чем произнести ее нужно ЗАДУМЧИВО, после некоторой паузы. И тогда вопрос о легкомыслии чиновника отпадет сам собой.

Начнем с “войны” и со знаменитой фразы **“это все француз гадит”**, над которой потешалось не одно поколение зрителей. Так ли уж наивны и глуповаты были чиновники уездного города?

“Француз” действительно “гадил”. Причем всегда. Особенно усердно он начал гадить в Восточном вопросе после революции 1830 года, когда во главе Франции встал ненавидимый Николаем “король банкиров” Луи Филипп.

Надо полагать, зрительный зал при этих словах всегда раздражался смехом, причем по адресу французов, но никак не Ивана Кузьмича, выказавшего себя вполне политически грамотным подданным. Смеяться зал, видимо, перестал в ходе Крымской войны, когда “француз” осуществил вместе с “англичанкой” прямую интервенцию в Россию. А уж после Франко-прусской войны зритель стал смеяться снова. И вновь по поводу “француза”.

А теперь поговорим об “измене”. Так ли уж она была невероятна?

Напомним, что с момента заговора декабристов прошло всего двенадцать лет. А корни и корешки масонского заговора остались в силу целого ряда обстоятельств невыкорчеванными. Так что слово “ИЗМЕНА” было отнюдь не пустым звуком и произносилось оно со сцены в зрительный зал, в котором сидели судьи и родственники подсудимых по “делу 14 декабря”. И, надо полагать, вполне доходило до умов и сердец и отзывалось в них самым непосредственным образом.

Однако слушаем запись далее.

Оперативный штаб намечает план действий на упреждение. С момента, когда присутствующие узнают о появлении в городе чиновника из Петербурга, на которого и падают подозрения, между попечителем богоугодных заведений Артемием Филипповичем Земляником, судьей Ляпкиным-Тяпкиным и Городничим происходит вот такой обмен репликами:

“Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? – ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге “Деяния Иоанна Масона”...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь...”

Стоп! “Деяния Иоанна Масона”. А вот с этого места поподробнее. Что это за деяния такие?

Масон и сын известнейшего масона и кадета В. В. Набоков отозвался на сей счет весьма скупой: “Одна из пяти-шести книг, которые прочел за свою жизнь судья, становится ‘The Book of John the Mason’ (Книгой Иоанна Масона), название почти что библейское, тогда как на самом деле речь идет об описании приключений Джона Мейсона (возможно, вымышленных), жившего в XVI столетии английского дипломата и авантюриста, который собирал сведения о делах на континенте по поручению королевской семьи Тюдоров”. (В. Набоков. Николай Гоголь // Набоков В. В. Собр. соч. в 5 томах. СПб.: “Симпозиум”, 1997. Т. 1.)

А как искусно все же пытался сбить нас со следа г-н Набоков!

Итак, посмотрим на “Деяния Иоанна Масона”. Что же это за книга?

Книга английского писателя **розенкрейцера** Джона Мэйсона (1706–1763) “О познании самого себя” вышла в России примерно в 1800 г. Ее переводчик Иван Петрович Тургенев писал своим детям: “Я нравственностью своею много должен сей книге... Книга сия научает человека познавать обязанности свои и его отношения, в каковых он находится к Богу, Творцу своему, к природе, яко творению, и к самому себе”.

Короче, труд английского нонконформиста Джона Мэйсона “О познании самого себя” был весьма популярен в российских масонских ложах. Да что там “популярен”! Он был **НАСТОЛЬНОЙ КНИГОЙ** русских масонов. **Это – масонский букварь.**

А кто таков Иван Петрович Тургенев?

Иван Петрович Тургенев (1752–1807) – русский дворянин, офицер, действительный тайный советник. Ближайший соратник и единомышленник масона Н. И. Новикова. Соучредитель Типографической компании и активный член знаменитой “Директории VIII провинции ордена Благотворных масонских рыцарей”. В 1792 г. привлечён к следствию по делу Новикова и сослан на жительство в родовое поместье Тургенево. После кончины императрицы Екатерины II возвращён Павлом I из мордовской ссылки. В 1796–1803 гг. директор Московского университета.

Умер И. П. Тургенев на пятьдесят пятом году жизни в Петербурге и похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

О важности переведенного им труда для духовной жизни русских масонов прошлых столетий можно судить по имеющимся в архивах спискам масонской литературы, составившей некогда “обязательный минимум” самообразования братьев-каменщиков. В исследовании Г. В. Вернадского “Русское масонство в царствование Екатерины II” находим: “Сохранился и систематический список рекомендуемых орденоскими надзирателями книг... Это в первую очередь трактат Иоанна Масона “О познании самого себя”. О круге чтения московских масонов можно судить и по письму известного экономиста С. А. Маслова: “К пояснению наших обязанностей и просвещению разума нам много указано и рекомендованных книг, каковы Фомы Кемпийского, Иоанна Масона, Иоганна Арндта, Иакова Бёме и Пастырское послание. Это классическая библиотека”.

Для каждого непосвящённого ложей определялся опытный куратор, который руководил учеником на этапе совершения им первых шагов в масонстве. Для внушения всей важности внутренней, неустанной борьбы с самим собой руководитель по возможности старался проводить время с порученным ему братом, за успешное шествие коего по пути добродетели он являлся ответственным перед высшей масонской властью и в Иоаннов день ежегодно обязан был громогласно, в присутствии всех собравшихся членов ложи, давать отчет. Не теряя времени, поэтому руководитель вручал посвященному книгу Иоанна Масона “О познании самого себя”, требуя внимательно прочесть и отметить всё, что произведёт впечатление и всё, что покажется неясным, непонятным.

Не забалуешь!

“Ну и что, — спросит некий Симплиций Симплиссимус, — чем масоны-то вам не угодили?”

А вот чем.

Масонство в России запрещали четырежды. В третий раз его запретил Александр I, а со всех масонов были взяты подписки, что они больше не будут состоять ни в масонских ложах, ни в каких других тайных обществах. Подобные же подписки были даны и всеми масонами — будущими декабристами: Пестелем, Рылевым и другими. Но все они нарушили данную правительству клятву и продолжали состоять в тайных политических обществах, стремящихся устроить государственный переворот и царевубийство.

Учитывая, что все вожди декабристов, как-то: Пестель, Трубецкой, Волконский, Николай Тургенев, Никита Муравьев, Рылеев, Бестужев, Бестужев-Рюмин и пр. (всего 51 человек) были масонами, **император Николай I в 1826 г. снова издает указ (четвертый по счету в русской истории) о категорическом запрещении масонства.** Но, как и прежние указы, его указ просто дал сигнал масонству уйти в подполье.

Однако вольные каменщики и после этого запрещения (четвертого по счету), продолжали свою деятельность в России. Это доказывает следующая директива Великой Провинциальной Ложи, написанная в сентябре 1827 года. (Опубликована известным исследователем А. Н. Пыпиным в монографии “Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века” (стр. 472–480).) К слову сказать, академик Пыпин — двоюродный брат Чернышевского — сам был масоном).

В результате русское масонство надолго, вплоть до начала XX столетия, уходит в глубокое подполье. Работа лож будет вестись в глубокой тайне.

В силу Указа Императора Николая I все чиновники должны были дать подписку о том, что не состоят в масонских ложах. Давал такую подписку и наш с вами Информатор “Нос”, он же Николай Васильевич Гоголь.

Так что когда судья Ляпкин-Тяпкин поминал — отнюдь не всуе! — имя Иоанна Масона, то находил полное понимание у великосветской публики, рождая в ее головах вполне определенную цепь ассоциаций. Одним словом, “мессиджи” Гоголя Царю и его подданным были далеко нешуточные.

А что наш Ляпкин-Тяпкин? Как изволите видеть, он МАСОН. Прошу обратить внимание на одно психологическое обстоятельство: ситуация крайне напряженная и неопределенная, какую линию поведения избрать — неясно. Что в таких случаях приходи на ум профессионалу?

Правильно: ИНСТРУКЦИЯ.

Вот ее-то Ляпкин-Тяпкин сразу же и вспомнил.

Неясно, состоит ли он в ложе на момент начинающейся ревизии, а вот то, что состоял в прошлом — бесспорно!

Ставим против фамилии Ляпкин-Тяпкин уже не знак вопроса, а жирную галочку.

Об нем мы еще поговорим.

Да, кстати! Откуда почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин узнал о грядущей ревизии? Письмо с “пренеприятнейшим известием” зачитывалось в его отсутствие!

“Он был титулярный советник...”

Масон, если употребить формулы Аристотеля и Фомы Аквинского, “животное политическое”, “общественное” и один не живет и уж тем более не выживает. Следственно, должны быть в Городе и другие масоны, объединенные в масонскую ложу.

Ух ты! В уездном городе масоны. А что тут удивительного? Помните, что говорил незабвенный Михаил Семенович Собакевич о председателе палаты другого уездного городка? “Он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил”. И в этом захолустном городе председатель палаты тоже не мог быть единственным масоном. А происходит это как минимум в 1842 году, через 16 лет после очередного запрещения масонства Государем (см.: Донесение агента “Нос” № 2 (“Мертвые души”))!

И чем же они в своих ложах занимались, интересно?

“Самосовершенствованием”? Да кто б в том сомневался!

Или, может быть, “растили и воспитывали кадры”, которые как известно, “решают ВСЁ”?

А кто в нашем случае занимается вопросами образования?

Занимается кадрами в данном случае смотритель училищ **Лука Лукич** Хлопов.

А подать сюда Луку Лукича!

Из Досье на Л. Л. Хлопова:

Титулярный советник (IX класс) – чин обер-офицерского ранга (младший офицерский состав).

Хлопов о себе и о своей должности: “Не приведи Господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек”. И еще (об одном из педагогов): “Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем **вольнодумные мысли внушаются юношеству**” (смех в зале). Хотя тут вовсе не до смеха. Об этом чуть ниже.

Более всех, судя по всему, он напуган предстоящим появлением Ревизора:

1. “Господи Боже! еще и с секретным предписанием!”

2. “Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?”

Обратим внимание на то, что другие участники секретного совещания этого вопроса не задавали и воспринимали ревизию как своего рода стихийное бедствие.

Хлестаков о Хлопове: “Смотритель училищ протухнул насквозь луком”.

Хлопов как “просветитель юношества” о себе: “Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул”.

Нет. Не похож он на масона. Сравните с Ляпкиным-Тяпкиным. Тот держится молодцом и не подает признаков паники, хотя если его участие в масонской ложе раскроется, мало ему не покажется!

Итак, поговорим об просветителях юношества в означенное время. Кто ректорствовал в Московском университете?

Ба!

Иван Петрович Тургенев! Тот самый. Переводчик Иоанна Масона!

И дети у него замечательные (оба масона) Александр Иванович да Николай Иванович. Оба “с душою прямо геттингенской”.

Начнем с последнего. Итак, Николай Иванович Тургенев (1789–1871. Париж).

В 1818-м вступает в “Союз благоденствия” и становится одним из его идеологов; выступает за установление республики. Интересно, как он мыслил это себе **практически**?

В 1821-м председатель Московского съезда “Союза благоденствия”. Один из основателей Северного общества декабристов. В 1824-м уезжает за границу и в восстании 14 декабря 1825 г. не участвует. Заочно судим и приговорен

к пожизненной каторге. Один из первых русских революционных эмигрантов. За границей опубликовал в 1847-м на французском языке книгу “Россия и русские”, которая легла в основу либеральной концепции истории декабризма. В 1857-м был восстановлен в правах.

Александр Иванович Тургенев (1784–1845).

С 1825-го живет за границей, проводит в европейских архивах обширные изыскания по русской истории. Вне России очутился по настоятельному совету Государя Александра Павловича, прознавшего о масонстве и неблагонамеренности А. И. Тургенева и посоветовавшего тому (“как один христианин другому”) уехать от греха за границу.

Замечательному русскому деятелю адмиралу А. С. Шишкову приписывают слова о том, что **“кончившие наши университеты юноши уверены, что, по крайней мере, две вещи они могут сделать хорошо: преобразовать государственное устройство и реформировать церковь”**. Конечно, юноши здесь не виноваты. Скорее наоборот – несчастны. Так их воспитали в государственных учебных заведениях немецкие и наши профессора, сами воспитанные на началах философии, построенной на страстном желании переделать, реформировать, революционизировать Россию и весь прочий мир, а на его развалинах построить нечто солнечное и радостное, гармоничное и математически выверенное. Новую храмину. Знакомая песня, не правда ли?

Чувствовало ли эту опасность русское правительство?

Еще как чувствовало!

Но что оно могло сделать? Конечно, оно могло воспитать свои кадры и обновить прежние. Но это работа на долгие годы, а воспитывать юношество нужно ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Что делать?

“Ужесточать”.

Изводить крамолу. В первую очередь, масонскую, уже аукнувшуюся “событиями 14 декабря”.

Дело дошло до того, что пришлось ликвидировать чтение курса философии. В 1830 г. просьба Императорского Московского университета, адресованная Министерству просвещения, о возобновлении курса философии, не была удовлетворена.

Что имеем в итоге, когда циркуляр за циркуляром спускаются “вглубь и вширь” по всей необъятной Империи?

А имеем мы формализм, казенщину, а то и прямой саботаж. В результате в “просветленном юношестве” созревают две идеи:

1. “Проклятая Россия”;

2. “В этой стране порядочному человеку и жить-то невозможно!”

А когда некий Циркуляр доходит до училища, которым ведает титулярный советник Хлопов, то какой-нибудь дуболом-инспектор вполне может принять вольную или невольную гримасу педагога за “внушение юношеству вольнодумных мыслей”. Причем, происходить это может в силу того обстоятельства, что “проверяющий” предмета **не знает**, а отзыв дать **должен!** А какой же отзыв без **критических замечаний?!** Ведь **идеальных педагогов** не бывает!

А ведь могло быть и так: несет лектор казенщину, от которой у слушателей скулы сводит, а потом подмигнет многозначительно залу – мол, “сам-то я так не думаю, да меня так говорить заставляют”. Известный “ораторский прием”!

Будем продолжать смеяться над жалобами несчастного Луки Лукича?

И все же что-то говорит за то, что титулярный советник Хлопов вряд ли замешан в чем-то предосудительном. Обратимся своим недоверчивым оком вновь к судье Ляпкину-Тяпкину. Он должен привлекать к себе внимание оставшихся покуда вне поля нашего зрения иных масонов уездного города.

Занимательная социология

Расследование штука увлекательная, однако логика расследования не совпадает с логикой литературного сюжета. А посему приходится отвлекаться от намеченной вроде бы уже темы и вновь и вновь возвращаться к, казалось бы, уже проясненным обстоятельствам.

Вот мы говорим “масоны-масоны”! А как мы себе представляем взаимодействие ключевых, условно говоря, масонских фигур в маленьком городке

на практике? Ведь ритуал со свечами, зеркалами, наковальнями, шпагами и белыми перчатками это всего лишь мишура. А после соблюдения ритуала на заседании обсуждаются некие сугубо практические вопросы, типа, “кого куда” и “что делать?” (в кризисной ситуации), как взаимодействовать?

Раскурим шерлокхолмсовскую трубку, усядемся поудобнее в кресло-качалку, мысленно призовем в собеседники доктора Ватсона и... начнем мысленно вычерчивать схемы.

Итак, мы имеем дело с некой группой лиц из числа чиновников, главой которых является Городничий. Налицо 1. ФОРМАЛЬНАЯ ГРУППА, иерархическая пирамида. Чиновники имеют еще и “двойное подчинение” (по разным департаментам, хотя и по одному ведомству – Министерству внутренних дел) – почтмейстер, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ.

2. По информации агента, эти же самые чиновники состоят в определенной степени родства, что совершенно естественно для небольшого города, где “элитариев” можно перечислить по пальцам. Родство простирается до самого Петербурга.

Поставщик **стратегической информации** (ведь ехать с ревизией туда, где об ней уже заранее известно, значит заранее обрекать дело на неудачу!) А. И. Чмыхов обращается к Городничему не иначе как “кум и благодетель”.

Но вернемся к нашей “социологии малых групп”. Ту же самую группу (за редкими исключениями в лице гг. Добчинского П. И. и Бобчинского П. И., не занимающих каких-либо административных постов) можно отнести и к формальной и одновременно неформальной “семье”.

3. Эта же самая формальная группа (за немногими исключениями в лице титулярного советника Хлопова Л. Л. и надворного советника Шпекина И. К.) в силу своего административного положения “регулирует” (к своей выгоде) и “финансовые потоки”. Это тоже признак “семьи”, но уже несколько иной – МАФИИ.

4. Наконец, эти же “элитарии” – “между лафитом и клико” (вернее, между коньяком и “губернской мадерой” – “неказистой на вид, но валящей с ног слона”) – проводят совместный досуг.

Что мы имеем в итоге? Мы имеем почти идеально накладывающиеся друг на друга группы, которые можно идентифицировать и как государственно-административные и как МАФИЮ.

Несколько примеров. Пример № 1:

“Городничий (Землянике). ... Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения...

Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. *О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человека простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет”.*

В связи с этим к надворному советнику Землянике А. Ф. два вопроса:

1. Куда деваются отпускаемые государством “дорогие лекарства”, если они до больных не доходят?

2. Отчего он не боится говорить о факте “нецелевого использования средств” совершенно открыто?

Вопросы, сами понимаете, чисто риторические.

Пример № 2

Вот Городничий просит почтмейстера проводить регулярную перлюстрацию корреспонденции:

“Городничий. *Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.*

Почтмейстер. *Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства...*

Городничий. ... так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное”.

Ключевое слово “СЕМЬЯ”.

МАФИЯ.

“Что скажете вы на это, мой дорогой Ватсон?”

Если учесть, что классификация наша, как и любая иная, условна, а дело мы имеем с живыми людьми, то наше расследование и идентификация данной группы как масонской резко усложняется. Так что же остается в таком случае на масонство?

НЕБЛАГОНАМЕРЕННОСТЬ и участие в строго-настроено запрещенных законом Тайных обществах (со всей их предосудительной, а то и преступной, по меркам Православной Империи, “идеологией”).

Вообще доказывание “наличия присутствия” масонской ложи дело тонкое, если не сказать тончайшее, следственно, и наитруднейшее. Но мы-то занимаемся не судебным разбирательством и даже не следствием, а ведением оперативного дела, то есть сбором и анализом информации.

Смею заметить, однако, что уже само подозрение и косвенное доказательство наличия запрещенных Государем обществ может стать отягчающим обстоятельством при рассмотрении дела о коррупции, оттого-то известные чиновники и должны бояться всякого упоминания масонов и тайных обществ!

Сами же коррупционные схемы неинтересны и тривиальны: власть раздаёт подряды, а потом обирает. Или же просто расхищает выделенные государством средства. (“Церковь сгорела”. Интересно, кирпичи тоже сгорели? Саратовская губерния ведь не славится строительством деревянных храмов.)

Поборы осуществляются в соответствии с местом, которое тот или иной чин занимает в административной иерархии – по так называемым “понятиям” (“Не по чину берешь!”).

Что ж, прокрутим запись вперед и послушаем диалог Городничего с Хлестаковым. Однако прежде мы должны выяснить, кем представляется Хлестаков в сознании городских чиновников.

Кстати, давайте исключим сразу же из числа подозреваемых в масонстве Городничего, который, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бывает в церкви.

“А кого вы собственно имеете в виду?!”

Что сразу приходит на ум, так это известный исторический анекдот – разговор Пушкина с Бенкендорфом.

Бенкендорф, раздосадованный стихотворением “На выздоровление Луккула”, в котором тот самым нелестным образом намекал на С. С. Уварова, прямо спросил Пушкина:

– Кого вы имели в виду в вашем стихотворении?!

– Вас, – ответил Пушкин. – А вы думали кого?

Штирлиц был прав, когда говорил, что запоминается именно последняя фраза. А ею у Хлестакова была: “Меня сам Государственный совет боится! Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...”

Эту-то последнюю фразу и разносят вездесущие гг. Бобчинский и Добчинский.

Еще четче испуг выражен у Городничего: “Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (Задумывается.) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. С министрами играет и во дворец ездит...”

Спросим себя, **кого мог бояться Государственный совет?**

Только Царя, которому он непосредственно подчинен. Но Хлестаков явно не царь. Тогда отчего мог затрепетать Госсвет? От КОМПРОМАТА. А кто МОГ и ИМЕЛ ЗАКОННОЕ ПРАВО собирать компромат на членов Госсвета?

То-то же.

Напомню, что Начальник Третьего Отделения и два Шефа жандармов – настоящий (на момент Действа) А. Х. Бенкендорф и сменивший его в 1844 году А. Ф. Орлов – были членами Государственного совета.

Но и это еще не всё: если бы Хлестаков просто упомянул то обстоятельство, что пред ним трепещет Государственный совет, можно было бы сказать, что и “прилгнул”... (“Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь” – анализирует “информацию от Хлестакова” Городничий, уже сам не радующийся тому, что напоил высокого гостя.)

А ведь перед тем, как помянуть Государственный совет, Хлестаков еще говорит о ЛИТЕРАТУРЕ, которой он “существует”. Ну, пописывает, конечно, в журналы... Но вот “Московский телеграф”?!

Вспомним, однако, судьбу энциклопедического журнала “**Московский телеграф**”. Он издавался с 1825-го по 1834 год, редактором его был Николай Полевой. Закрыт в 1834 году. Предлогом послужила рецензия главного редактора на пьесу Н. Кукольника “Рука Всевышнего Отечества спасла”, явившуюся настоящей одой Самодержавию. Полевой раскритиковал данную пьесу, указывая на её льстивый характер, и поплатился за то своим журналом...

Стало быть, Иван Александрович Хлестаков причастен к его судьбе?

Может, это он и поспособствовал **ЗАКРЫТИЮ**?!

А кто может **ЗАКРЫВАТЬ** журналы? Так происходит материализация духа Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Однако ж Хлестаков, судя по его словам, еще и пописывал. Вот и Бенкендорф, можно сказать, тоже “пописывал”, пытаясь даже создать “собственную литературу”. К числу таких “подшефных” изданий можно было бы отнести “Северную Пчелу” Ф. Булгарина, “Tygodnik” (с 1832 г. “Официальная газета Царства Польского”) Пржецлавского. На отдельные статьи делались заказы. Писателям и журналистам предлагалось в сущности подготовить “заказной материал”. Да и сам граф был отменным стилистом! Оцените его письмо от 11 января 1812 года, писанное его другу М. С. Воронцову (тому самому):

“Вот уже десять дней как я в Петербурге, милый мой граф, однако мне от этого не стало лучше, и в свете я провожу мало времени; утомление и рассеянность не покидают меня, и я не могу веселиться. Я угрюм и печален. Впрочем, мне выпало небольшое развлечение: вместе с Сен-При я был на пожаре Аничкова дворца. Ему досталось стоять в почетном карауле, и нас обоих поставили на чердаке. Балки, перекрытия – все рушилось, и нам пришлось с боем прорываться от одного угла до другого, штурмуя каждую ступень лестницы. Наконец, прибыл император и приказал нам покинуть пост; мы выполнили свой долг, любезный граф. Все сгорело! Чтобы спасти зеркала, их бросали из окон. Свои труды мы увенчали тем, что поехали вдвоем ужинать к красавице Пушкина”.

“Выкидывались” ли у Александра Христофоровича еще и стишки, установить сейчас весьма затруднительно. Зато Бенкендорф старался организовать печать и за границей, где по временам появлялись статьи его чиновников в защиту политики русского правительства. Короче, вел, как мог и умел, “контрпропагандистскую” работу, причем задолго до создания АПН.

А как должен был воспринимать городничий вот эти слова?

“Хлестаков. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже”.

Напомним, что функции III отделения Е. Им. Вел. канцелярии были весьма широки, и оно вело также разведку и контрразведку. А посему и неудивительно, что стоит Хлестакову пройти через департамент, так начинается сущее “землетрясение, всё дрожит и трясется как лист”!

А для пушшего эффекта пожалуй еще и это: “С хорошенькими актрисами знаком”.

Не думаю, чтобы Городничий и его подчиненные слыхивали о m-lie Жорж – любовнице самого Наполеона, с которой он расстался, прознав, к своему неудовольствию, “о чем она болтает”, и романе, который закрутил с нею Александр Христофорович, будучи с дипломатической миссией в Париже. Однако Хлестакова уже обуяло вдохновение, а вдохновляться он мог и примером графа Бенкендорфа, о влюбчивости которого складывались в Петербурге легенды.

А теперь по поводу того, как Хлестакова приняли за главнокомандующего, а “завтра же произведут в фельдмаршалы”.

Перед мысленным взором вошедшего в азарт Ивана Александровича мог вполне предстать образ все того же Александра Христофоровича! Да и как ему не предстать, ежели портрет графа Бенкендорфа и по сию пору висит в Эрмитаже в Галерее Героев Отечественной войны 1812 года! Ведь сам Бенкендорф прошел буквально ВСЕ ведшиеся Россией военные кампании, начиная с 1803 года, а на последнюю – Турецкую 1828–1829 гг. – отпросился у Царя, уже занимая пост начальника III Отделения и Шефа корпуса жандармов!

Одних только шпаг за храбрость целых **ТРИ**. Каково?!

“Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?..”

Кстати, “Ваше превосходительство” – это обращение к генералу: так что Хлестаков для Городничего – как минимум **ГЕНЕРАЛ**.

Разумеется, принять Хлестакова за Бенкендорфа Городничий никак не мог при всем своем воспаленном страхом воображении. Заметим, однако, что даже будучи сильнейшим образом напуганным, Антон Антонович сохраняет определенную трезвость мышления, и в его размышлениях есть четкая логика. Как-никак, новый Царь молод, молоды и его новые “выдвиженцы”. А то, что чиновник из Петербурга похож на “сосульку”, так это объясняется обмельчанием нового поколения, в том числе и военных:

“Городничий. ... Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький – как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фракшишку – ну точно муха с подрезанными крыльями...”

Нет, образ Третьего отделения Его Имп. Величества Канцелярии уже прочно поселился в сознании несчастного Городничего. Войдите в его положение: тут и впрямь не разберешь, “стоишь ли ты на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить”! И мысль о том, что высокий гость играет им как “кот мышом”, не покидает несчастного Антона Антоновича.

Надо отдать должное и слуге Хлестакова Осипу: он тоже подпустил туману. Вот, что он говорит о своем барине:

“Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты, как! то-то у нас сумятицу подняли”.

Вот так и происходит “самозаражение”.

И последнее. Не обращали ли вы внимания на такой, вроде бы, простенький вопрос Осипа: “Что, там другой выход есть?”

Нет? А зря!

Так, навыки по части улизнуть, не расплатившись, отписав свои долги “на счет доходов английского короля”, могли восприниматься слугой Городничего Мишкой в качестве навыков, приобретенных за время “разведывательно-контрразведывательной деятельности”.

В общем положение его видится Городничему “хуже губернаторского”: Ревизор приехал **ОТТУДА**.

Из **“КОНТОРЫ”**.

И в этом уже нет никаких сомнений. Значит, разбираться с городничим и прочими будут “по полной программе” – никакой “лабардан” не спасет!

И даже после того, как Городничего вроде бы даже убедили в том, что Хлестаков просит руки его дочери, из груди его вырывается: **“Да благословит вас Бог, а я не виноват”**. И наконец, выдох облегчения, смешанный с восторгом, обращенным к жене: **“... с каким дьяволом породнилась!”**

“Дьяволом”.

Да, **“контора”** в сознании Городничего и всех враз затрепетавших чиновников отдает некой инфернальностью. Так говорят в Городничем страх и трепет перед всемогущей **КОНТОРОЙ**.

Но вернемся к нашим масонам. Как после столь нехитрого умозаключения, что Хлестаков – представитель (как будут выражаться век спустя) “органов”, должен воспринимать градоначальник такой бесхитростный (для Хлестакова) вопрос:

“Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, **обществ**, где бы можно было, например, поиграть в карты?”

Городничий (в сторону). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух.) Боже сохрани! здесь и слуху нет **о таких обществах**. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?”

Одним словом, Городничий весьма чутко отнесся к вопросу Хлестакова как зондажу на политическую благонадежность и вполне оценил легкость и естественность, с которой такая проверка была осуществлена и прикинулся “самоваром”.

Думается, зрители “Ревизора” тоже вполне оценили этот намек Автора. Воспоминания об “известных событиях” были еще ох как живы!

Что ж, нам, ведущим оперативное дело “Ревизор”, оставлять масонскую тему не следует.

“Свинья в ермолке”

Часто спрашиваю себя: “А не слишком ли я увлекся поиском черной кошки в темной комнате, которой в ней, может быть, вовсе и нет?”

К чему все эти фантазии и подозрения?

К чему беспрестанно спрашивать себя, зачем появляется в отчете агента лекарь с говорящей фамилией Гибнер (Христиан Иванович)?

А что если попечитель богоугодных заведений Земляника не привел его на заседание кризисного штаба? Что изменилось бы в восприятии произошедшего?

Может быть, надо быть проще, уподобившись, например, В. В. Набокову?

Ведь он писал о нашем информаторе как о “сновиденческом писателе”. Одним сновидением больше, одним меньше...

“Знаменитый драматург, — ядовито замечает Набоков, — как-то заявил (по-видимому, раздраженно отвечая приставале, желавшему выведать секреты его мастерства), что, если в первом действии на стене висит охотничье ружье, в последнем оно непременно должно выстрелить. Но ружья Гоголя висят в воздухе и не стреляют; надо сказать, что обаяние его намеков и состоит в том, что они никак не материализуются”.

Персонажи, возникающие в монологах гоголевских героев, являются, по Набокову, сущими фантомами, гомункулами. Вот, пожалуйста: “На заднем плане того же действия появляется еще один персонаж: Хлестаков решает написать об этих странных провинциальных чиновниках своему другу Тряпичкину, грязному репортершишке, жадному и ядовитому писаке, умеющему осмеять всех, с кем он хочет расправиться, в своих грошовых злобных статейках. На одно только мгновение высовывается он из-за хлестаковского плеча, подмигивая нам и ухмыляясь. Он последний, кто появляется на сцене, впрочем, не совсем последний, потому что в конце концов возникает еще один фантом: гигантская тень настоящего ревизора”.

Ох...

Может быть, и Христиан Иванович Гибнер — человек, о котором мы не знаем решительно НИЧЕГО, из той же “набоковской” фантомной серии? Но спросим себя еще раз: “А для чего Земляника (по Набокову, “перезрелая, коричневатая земляника, попорченная лягушачьей губой”) притащил его с собой на архиважное совещание?”

Скажите мне, дорогой Ватсон, а если бы его имя было лишь упомянуто в разговоре с Городничим, изменилось ли от этого хоть что-нибудь? А то сидит себе молчком и только и делает, что издаст сокрушенно не то звук “и”, не то “звук “е”! И более не появляется.

Ватсон, задумавшись, пыхает сигарой, чувствуя, что у Холмса есть уже готовый ответ.

Есть он, пожалуй, и у меня. И натолкнула меня на него некая случайность, которой, как говорил мой коллега Порфирий Петрович, “в высшей степени могло не быть”.

Но сначала давайте разберемся с этим милягой-плутом (как принято считать) Земляником.

Раскрываем Досье:

Надворный советник VII класс, (чин штаб-офицерского ранга (старший офицерский состав) Артемий Филиппович Земляника.

Агент сообщает: очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Женат. Имеет пятерых детей (Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетя).

Ну да Бог с ним, с его происхождением. Нас другое интересует: уж такой ли он миляга, каким мы его привыкли видеть?

Давайте задумаемся, а сколько покойников, не получивших по милости Земляники и Гибнера “дорогих лекарств”, на их совести? Привет Татьяне Голиковой! Та тоже говорит, что в сельские больницы народ ложится, чтобы бесплатно покушать, а потому больницы эти нужно ликвидировать. Свежо.

И вновь предоставим слово Набокову: “В России гоголевской эпохи взятничество цвело так же пышно, как цвело оно и цветет повсюду в Европе, а с другой стороны, в любом из русских городов той поры проживали куда более гнусные подлецы, чем добродушные жулики из “Ревизора”.

“Добродушный жулик”, говорите?

Тогда давайте отследим поведение г-на надворного советника во время всей этой истории.

Первая реакция Земляники после закрытия заседания “кризисного штаба” вполне естественная: “В самом деле может случиться беда”.

Эпизод № 1. После приема в своем заведении, устроенного в честь Хлестакова:

“Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком”.

Оцените сей перл “не столько медикаментами, сколько честностью и порядком”.

С одной стороны, признание того, что обошлись **БЕЗ** “дорогих лекарств”, а с другой еще одна похвала себе – “честность и порядок”! (Лекарства, надо полагать, давно “сактированы”).

Эпизод № 2. Поведение после “представления”, устроенного Хлестаковым:

“Артемий Филиппович (Луке Лукичу). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение?”

Здравый подход: лабардан – лабарданом, а “телегу” в Питер все одно пошлет.

Эпизод № 3. (чиновники советуются, как представляться проспавшемуся после предварительного банкета лже-ревизору):

“Артемий Филиппович. Слушайте: эти дела так не делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует – чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните”.

Потом Земляника выпихивает вперед Хлопова.

В результате он идет на прием – **ПОСЛЕДНИМ**.

Что значит идти **последним**? Это значит уже идти по накатанной и хорошо проверенной дороге. Предварительная информация о настроении важной персоны уже имеется. Хитер, Артемий Филиппович! Ох, хитер.

Эпизод № 4. (Визит к Хлестакову).

Не считая Бобчинского и Добчинского, у Хлестакова с “официальным визитом” побывало четверо чиновников: Ляпкин-Тяпкин, Шпекин, Хлопов

и Земляника. А теперь прошу внимания и попрошу вместе со мной внимательнейшим образом прослушать запись беседы Хлестакова с “милягой” Земляницей:

“...**Артемий Филиппович.** Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я – признаюсь, это моя слабость, – люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (Помолчав.) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, – конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, – поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков (провожая). Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.) Эй, вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество...”

И как вам это всё?

Прошу заметить, ни Ляпкин-Тяпкин, ни Хлопов, ни Шпекин НИКОГО НЕ ЗАКЛАДЫВАЛИ. Земляника же ЗАЛОЖИЛ ВСЕХ!

Причем заложил, посещая ревизора ПОСЛЕДНИМ. Так что все рассчитано было точно: возразить на его ДОНОС и ПОКЛЕП Хлестакову будет уже НЕКОМУ. А запоминается, как учил нас Штирлиц, сказанное в последнюю очередь. В ФИНАЛЕ.

Теперь давайте проанализируем то, КАК именно Земляника закладывает всех.

Основное правило, известное нам благодаря д-ру Геббельсу, это то, что ко лжи нужно прибавлять немножко правды, тогда люди поверят даже в самую наглую ложь.

Однако Артемий Филиппович вывел для себя эту формулу за сто лет до первого пропагандиста рейха!

Смотрите: дела у почтмейстера в полном запустении, и эту информацию очень легко проверить.

Что касается судьи, то:

1. информация насчет охоты, травли зайцев и т. п. **абсолютно достоверна и проверяемая (свидетельскими показаниями).**

2. информация относительно связей с чужими женами и наличия у них детей, прижитых от судьи, частично проверяема (свидетельскими показаниями), но в части детей **НЕДОКАЗУЕМАЯ.**

А теперь **ГЛАВНОЕ:**

Боящийся своей тени Лука Лукич Хлопов Земляницей попросту **ОКЛЕВЕТАН.**

Тяжесть обвинений в отношении зрителя училищ, предъявленных Земляником Хлестакову, тянет на **ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**.

“Хуже, чем яkobинец”.

А вот это уже доказать весьма затруднительно, если вообще возможно. Однако для пущей убедительности Земляника готов подать на сей счет **БУМАГУ** за собственной подписью.

А **БУМАГА**, как известно, это уже почти **ПРИГОВОР**.

Итак, рассмотрим характер обвинений Земляника по степени их правдивости:

1. В отношении почтмейстера Шпекина (пьющего, похоже, горькую, на что Земляника не указал) она полностью **ПРАВДИВА**.

2. В отношении судьи Ляпкина-Тяпкина она **ПРАВДОПОДОБНА**.

3. В отношении зрителя училищ Хлопова от начала и до конца **ЛЖИВА**.

А теперь рассмотрим характер тех же обвинений по степени их **ТЯЖЕСТИ**.

1. В отношении почтмейстера Шпекина они грозят тому служебным несоответствием (полным или частичным).

2. В отношении зрителя училищ Хлопова они грозят ему **КРЕПОСТЬЮ** и **КАНДАЛАМИ**.

3. В отношении судьи Ляпкина-Тяпкина они не грозят ему в сущности **НИЧЕМ**.

И. А. Хлестаков дает Землянику такую характеристику: “совершенная свинья в ермолке”.

Стоп! Почему свинья – это как раз понятно и тривиально. Но отчего же “в ермолке”? Да-да. У всех это выражение на слуху – “свинья в ермолке”. Привыкли и не замечаем некоего тонкого привкуса. Что-то вроде “аппетит приходит во время еды”. Банальность? А ведь когда-то это считалось отменной шуткой!

А что такое ермолка?

Батюшки! Да это же КИПА!

Свинья в КИПЕ!

Что же получается: Земляника – **ВЫКРЕСТ**?

А как реагирует сам Артемий Филиппович на подобную ремарку?

“И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?”

Да, действительно: где вы видывали свинью в КИПЕ? Такого вот “кошерного хрюнделя”?

Смущен, ох, как смущен наш Артемий Филиппович! Неужто попал, Иван Александрович? Похоже, что попал.

Вот такие “волчьи ягоды” и будут через сто лет в условиях новой “ревизии” спасать свои шкуры, оговаривая других.

Ай да Земляника! Хороша ягодка!

ЯГода.

Ну и как вам сей “добродушный жулик” (по Набокову)?

Что же получается? Самым невинным персонажем, по Землянике, выступает судья-**МАСОН**!

Причем рассчитано все точно: какие-нибудь грехи за судьей все равно водятся, ибо, как говорит Городничий, “нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов”, а в делах судебных сам леший ногу сломит (оттого-то так и спокоен поначалу г-н Ляпкин-Тяпкин! Настолько спокоен, что даже пеняет Городничему шубой за пятьсот рублей, которую он подарил жене – “грешки грешкам – рознь!”). Да и Городничий завидует судьбе: “Это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует”.

А что, разве не мог Земляника сказать, что судья берет взятки (как минимум, “борзыми щенками”) или высказать мнение о неблагонамеренности судьи? Ведь говорил же Городничий в сердцах Ляпкину-Тяпкину: “Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите... А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются”.

И что же остановило Землянику от указания на сей неприглядный факт?

В конце концов, он мог просто оклеветать судьбу. Но... не стал.

Почему?!

А вот поэтому, милостивые государи, именно “поэтому”, Потому что и сам Земляника, скорее всего, “вольный каменщик”.

Повторяю: мы ничего однозначно не утверждаем и утверждать не можем, а лишь анализируем запись донесения агента. Для подтверждения наших по-

дозрений требуется уже дополнительная и уже не просто оперативная, а еще и оперативно-следственная работа.

— А какую роль играет в таком случае бессловесный лекарь Гибнер? — слышится из темноты голос доктора Ватсона.

— Элементарно, Ватсон, — откликается Холмс, стряхивая пепел из трубки. — Гибнер — это эмиссар. Скорее всего, из-за рубежа. Или даже из Петербурга. Но это менее вероятно. Уберите Гибнера, и тогда агенту не удалось бы сделать свой осторожный “месседж” нам с вами, равно как и Государю.

Впрочем, в одном из вариантов своего Донесения, исключенного впоследствии нашим Великим информатором из оногo, сообщается, что Гибнер всё же нанес визит Хлестакову. Диалог ведется весьма любопытно: Хлестаков задает вопросы по-русски, оговариваясь, что не силен в немецком языке, Гибнер отвечает ему по-немецки. Хлестаков просит у немца денег, но тот говорит, что денег у него нет. В доказательство сего прискорбного факта он достает бумажник и вытряхивает его. Денег в бумажнике нет. Однако взамен денег Христиан Иванович предлагает Хлестакову сигару (“из Риги”). Засим немец откланивается. (См.: Библиотека русской драматургии. Н. В. Гоголь. Изд-во “Искусство”, Ленинградское отделение, 1983. С. 376—377).

Так появляется по ходу действия сигара, которую Хлестаков предлагает впоследствии Хлопову. Откуда она взялась? Городничий вроде бы не курит, а табак Хлестаков уже весь выкурил. Помните?

“Хлестаков (ходит по комнате). *Посмотри, там в картузе табаку нет?*

Осип. *Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили”.*

Наверняка и Холмс, и майор Пронин, и неподражаемая миссис Марпл тут же ухватились бы за эту деталь. Однако для нашего расследования она особого значения не имеет. Нам важно понять другое: отчего агент исключил этот эпизод из своего Донесения? Дает оно что-либо для углубления понимания роли И. Х. Гибнера во всей этой истории?

Дает. Но мало. Да и вторичное появление бессловесного лекаря-немца никоим образом не противоречит “гипотезе мистера Холмса”.

Во-первых, было бы странно, если бы “эмиссар” не пожелал самолично посмотреть на пугающего всех Ревизора и “прощупать” его.

Во-вторых, денег он ему не дал бы, даже если бы они у него и были. С какой стати давать их этому прощелыге и вертопраху?

В-третьих, жалко денег.

А теперь, милостивые государи, о той самой “случайности, которой в высшей степени могло не быть”.

Помните, с кем сидел в крепости небезызвестный масон Новиков?

Он сидел с братом по ложе, который зорко наблюдал за своим подопечным, “как бы тот чего неразумного не выкинул”. Самое поразительное во всем этом то, что Государыня императрица Екатерина Алексеевна РАЗРЕШИЛА (и разрешала) подобное “совместное сидение” в одной камере виновного и добровольное невиновного.

Чудны дела Твои, Господи!

“Этот загадочный Коробкин”

Теперь уж я и сам не рад, что завел это оперативное дело. Темы всплывают одна за другой. Интересно, а нельзя ли выжать из донесения агента еще что-нибудь по части, скажем так, тайных обществ. Не может быть, чтобы означенные фигуранты где-нибудь еще не “наследили”!

Придется опять прокрутить запись с самого начала — такова уж работа оперативника. Раз с разом начинать все сначала под разными углами зрения. Нет ли каких странностей в самом начале?

Кстати, мы так и не выяснили, каким образом почтмейстер, перлюстрирующий всякую и всяческую корреспонденцию, узнал о грядущей ревизии от ... Бобчинского! Странно, не правда ли?

А откуда узнал Бобчинский? И еще одна странность: Городничий совершенно не удивляется тому, что Бобчинский узнает о ревизоре, хотя он не входит в число приглашенных на заседание кризисного штаба. Конечно, равнодушные (натуральное или видимое) Городничего к этому вопросу можно списать на нервозность царящей в штабе обстановки, и все же?

Городничий все же приходит в себя и, возможно, подозревая Ивана Кузьмича в перлюстрации своей корреспонденции, задает “контрольный вопрос”: “Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?” И тут же получает ответ: “Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится”.

Любопытно, вся поступающая информация почтмейстером “просеивается”, а письмо Городничему пребывает в “невинности”! Верится в такое с трудом, а подобные проговорки называются на языке сотрудников соответствующих органов “проколом”.

Каким образом произошла утечка информации? К слову сказать, утечка информации произошла и в Петербурге: Ревизор (настоящий, с большой буквы) едет по “именному повелению”, то есть по приказу, отданному самим Государем Императором! А как до нее добрался А. И. Чмыхов? Думаю, Николаю Павловичу было над чем задуматься! Хотя бы в части защиты секретной документации. Вот так – снизу доверху и сверху донизу – гуляют по России информационные сквозняки.

Но вернемся к нашему простодушному почтмейстеру. Может быть, Иван Кузьмич просто лукавит, утверждая, что узнал о ревизоре от Бобчинского, а дело обстоит как раз наоборот: это Бобчинский узнает о ревизоре от Ивана Кузьмича, который по обыкновению своему вскрыл письмо А.И.Чмыхова? Но почтмейстеру признаваться в перлюстрации писем, адресованных Городничему, явно не с руки, может, потому он и ссылается на Бобчинского, которого использует “втемную”?

Однако из Бобчинского агент-информатор “еще тот”: ни одно слово в нем не удерживается. А с другой-то стороны? Имеем тот человеческий материал, который имеем, – “отбросов нет, есть кадры”.

И с какой это стати Иван Кузьмич открыто признается в перлюстрации писем, да еще прибавляя, что видит в чтении их наслаждение?

Может быть, он читает их по ДОЛГУ СЛУЖБЫ? “Той самой”. СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ. А перед коллегами просто валяет ваньку. Маскируется. “Вот видите, как я люблю читать чужие письма!” Ляпкин-Тяпкин тоже открыто признается, что берет взятки борзыми щенками. А что мешает ему брать взятки не только борзыми щенками, тем более, что в его деле “сам Соломон не разберется”? Так часто признанием в малом грехе прикрывают куда БОЛЬШИЙ грех.

И не Иван ли Кузьмич “стукнул” “по долгу СЛУЖБЫ” (негласной) в Питер? Правда, недовольство Городничим в среде “гражданства и купечества” нарастает, и гипотетический донос, о котором говорит Антон Антонович на секретном совещании, мог исходить как раз от “гражданства и купечества”. Да разве только от него? Предают, как известно, только свои.

И еще: как четко, коротко, по-военному докладывает он Хлестакову! Через каждое слово “Так точно-с!” Ничего личного и ничего лишнего! Как будто докладывает высокому начальству в “штатском”.

Наводит на размышления.

Итак, нам предстоит выяснить, как “пренеприятное известие” стало достоянием Бобчинского. По его словам, вот как:

“Бобчинский. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, – так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Уж все, все, все знаю-с. Так я, изволил видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем... Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: “Слышали ли вы о новости – та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?” А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву”.

Хороша фамилия “Почечуев”! (Отчего же не “Геморроев”?)

Ну что ж, кое-что как будто проясняется.

Если учесть, что ни Бобчинский, ни Добчинский не были приглашены на заседание “кризисного штаба”, то остается одно: Бобчинский просто-напросто ПОДСЛУШАЛ разговоры на секретном совещании. Странно, что Городничий не журит Бобчинского за то, что тот ведет себя “неэтично”. Возможно, ему в данный момент не до политесов.

Странно и то, как легко Бобчинский в этом признается! Впрочем, если учесть, что Бобчинский и Добчинский бывают в доме Городничего постоянно и являют собой род заведшихся на кухне мышей, снующих туда-сюда, то такое объяснение можно принять как рабочее. Тем более что жена Городничего приходится Добчинскому кумой.

И все же вопрос об Иване Кузьмиче как негласном сотруднике “спецслужб” с повестки дня снимать рано.

Впрочем, гораздо важнее в данный момент другое: к кому тотчас же побежал, узнав о предстоящей ревизии, Бобчинский? Первым в этом ряду числится Коробкин, вторым Растаковский. По всем правилам сыска мы обязаны взять их на заметку. Вполне возможно, что Бобчинский побежал к ним как к своим приятелям, а возможно и...

Раскрываем **Досье**:

“Иван Лазаревич Растаковский, отставной чиновник, почетное лицо в городе”.

Эпизод с Растаковским, наносящим визит Хлестакову, так же как и эпизод с Гибнером, исключен агентом из Донесения. Диалог был, впрочем, весьма для нас информативный.

Растаковский служил еще при Румянцеве-Задунайском и является, таким образом, отставным чиновником весьма преклонных годов. Как многие люди, дожившие до весьма почтенных лет, заговаривается и говорит о вещах, к делу, с которым он пришел к чиновнику из Петербурга, совершенно не относящихся.

Все просьбы Хлестакова дать ему займы оказываются тщетными: сначала Растаковский явно не понимает (или прикидывается, что не понимает), чего от него требуется, а потом сам выступает в качестве просителя надбавки к пенсии. Кстати, прошение свое о прибавке к пенсии он направил еще тридцать лет назад и с тех пор все ждет резолюции из Петербурга. (См.: Библиотека русской драматургии. Н. В. Гоголь. Изд-во Искусство, Ленинградское отделение, 1983. С. 373–375).

Нет, Растаковский нам решительно не интересен.

Теперь о Коробкине.

“Степан Иванович Коробкин, отставной чиновник, почетное лицо в городе”.

Не густо. Но знак вопроса против их имен мы поставим. Они попали в поле нашего зрения. Теперь будем просеивать информацию об этих персонах.

Второй раз имя Коробкина звучит у Бобчинского после представления, которое Хлестаков устроил в доме Городничего:

“Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и **Коробкину**”.

Здесь фамилию “Коробкин” мы подчеркнем красным карандашом, ибо звучит она в связке с “вычисленным” нами уже масоном Ляпкиным-Тяпкиным.

Это тоже еще мало о чем говорит: город маленький и все друг друга знают.

В третий раз информатор зафиксировал **Растаковского и Коробкина** в компании **Ляпкина-Тяпкина и Земляники** на приеме у Городничего по случаю окончания “ревизии” и мнимой помолвки Хлестакова с Марьей Антоновой.

Примечательно поведение Коробкина при появлении почтмейстера, вскрывшего письмо Хлестакова к Тряпичкину. Он постоянно находится вблизи читающих это оглушительное послание, наконец, начинает читать его сам. Хочет иметь информацию из первых рук? Не ясно, прочитал ли он характеристику, данную Ляпкину-Тяпкину Хлестаковым, до конца:

Коробкин (продолжает). “Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...” (Останавливается.) Должно быть, французское слово.

Все.

Итак, что мы имеем на Коробкина?

1. При получении важной информации Бобчинский бежит в **ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ** к Коробкину и масону Ляпкину-Тяпкину. Это повторяется **ДВАЖДЫ**.

2. Коробкин всегда появляется в компании основных подозреваемых (Ляпкин-Тяпкин, Земляника).

3. Коробкин стремится максимально приблизиться к источнику информации (чтецу злополучного письма Хлестакова, что, впрочем, неудивительно:

интересно-то ВСЕМ), затем зачитывает письмо САМ, то есть получает информацию в неискаженном виде.

“Мутный” дядя. Тихий – тихий, а оказывается в нужное время в нужном месте.

Всегда оперативно информирован и всегда в сторонке (“не при делах”).

А теперь взглянем на фотографию “Немая сцена”.

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и запрокинутой назад головой... По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!” За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Коробкин **ЕДИНСТВЕННЫЙ**, кого не охватывает **СТОЛБНЯК**. Так он и зафиксирован “с прищуренным глазом и едким намеком на Городничего”.

Повторюсь, “мутный” персонаж.

Не слишком ли часто он “засвечивается”?

И не он ли в масонской иерархии Города **ГЛАВНЫЙ**?

А что если Коробкин внедренный (в масонские ложи) тайный АГЕНТ правительства, информирующий “Центр” о положении дел?!

Нет ответа.

Ох уж эта “Немая сцена!”

Сколько всего сказано про нее, сколько всего написано.

А если взять да и прокрутить сон, привидевшийся накануне получения “пренеприятного известия” Городничему?

Помните?

“Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь”.

И я полез в сонники – даром, что ли Николай Васильевич был великий мистагог! Знаменитый “Сонник” Мартына Задеки по поводу крыс не говорит ничего. Зато другие, включая сонник, приписываемый Симону Зилоту (Кананиту), толкуют крыс в качестве символа врагов. Убить крысу – означает победить врага.

Две крысы – два ревизора: один фальшивый, другой настоящий и оба “черные, неестественной величины” (“У страха глаза велики”).

Крыс Городничий во сне не убил. Но и они не причинили ему ни малейшего вреда: пришли, понюхали – и пошли прочь.

Вот вам и “всемогущая **КОНТОРА**”...

И после всего этого мы все еще называем “Ревизор” **комедией**?!

Грустно на этом свете, господа.

ЗАНАВЕС.

ЭПИЛОГ

А теперь вернемся к вопросу о том, отчего Николай Павлович трижды смотрел “Ревизора”. Известное дело – Царь идет в комедию, и все идет в комедию. Иначе могут и не обратить на нее **ДОЛЖНОГО** внимания. Войдем в его тяжкое положение: что может он при всем кажущемся всесилиии “спецслужб” и своей, якобы, неограниченной мирскими учреждениями власти?

Лишь грозить тайной полицией, а более – увещевать.

“Подмораживать Россию”.

И как тут не вспомнить исполненную трагизма речь Князя из последнего Донесения агента – второго тома “Мертвых душ”?

“... Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды: она слишком уж

глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий гражданин несет все и жертвует всем, — я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово “благородство”. Что тут говорить о том, кто более из нас виноват! Я, может быть, больше всех виноват. . .

. . . пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, — хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды. Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь к вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва. . .”

На этих словах, как известно, Донесение обрывается.